

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава первая.

I.

Не утерпѣвъ, я сѣлъ записывать эту исторію моихъ первыхъ шаговъ на жизненномъ поприщѣ, тогда какъ могъ бы обойтись и безъ того. Одно знаю навѣрно: никогда уже болѣе не сяду писать мою автобіографію, даже если проживу до ста лѣтъ. Надо быть слишкомъ подло влюбленнымъ въ себя, чтобы писать безъ стыда о самомъ себѣ. Тѣмъ только себя извиняю, что не для того пишу, для чего всѣ пишутъ, т. е. не для похвалъ читателя. Если я вдругъ вздумалъ записать слово въ слово все, что случилось со мной съ прошлаго года, то вздумалъ это вслѣдствіе внутренней потребности: до того я пораженъ всѣмъ совершившимся. Я записываю лишь событія, уклоняясь всѣми силами отъ всего посторонняго, а главное отъ литературныхъ красогъ; литераторъ пишетъ тридцать лѣтъ и въ концѣ совсѣмъ не знаетъ, для чего онъ писалъ столько лѣтъ. Я — не литераторъ, литераторомъ быть не хочу, и тащить внутренность души моей и красивое описаніе чувствъ на ихъ литературный рынокъ почелъ бы неприличіемъ и подлостью. Съ досадой, однако, предчувствую, что кажется нельзя обойтись совершенно безъ описанія чувствъ и безъ размышленій (можетъ быть даже пошлыхъ): до того развратительно дѣйствуетъ на человѣка всякое литературное занятіе, хотя бы и предпринимаемое единственно для себя. Размышленія же могутъ быть даже очень пошлы, потому что то, что самъ цѣнишь — очень возможно, не имѣетъ никакой цѣны на посторонній взглядъ. Но все это въ сторону. Однако, вотъ и предисловіе; болѣе, въ этомъ родѣ, ничего не будетъ. Къ дѣлу; хотя ничего нѣтъ мудренѣе, какъ приступить къ какому-нибудь дѣлу, — можетъ быть, даже и ко всякому дѣлу.

II.

Я начинаю, то есть я хотѣлъ бы начать мои записки съ девятнадцатаго сентября прошлаго года, то есть ровно съ того дня, когда я въ первый разъ встрѣтилъ...

Но объяснять кого я встрѣтилъ, такъ, заранѣе, когда никто ничего не знаетъ, будетъ пошло; даже, я думаю, и тонъ этого пошлъ: давъ себѣ слово уклоняться отъ литературныхъ красотъ, я съ первой строки впадаю въ эти красоты. Кромѣ того, чтобы писать толково, кажется, мало одного желанія. Замѣчу тоже, что, кажется, ни на одномъ европейскомъ языкѣ не пишется такъ трудно, какъ на русскомъ. Я перечелъ теперь то, что сейчасъ написалъ и вижу, что я гораздо умнѣе написаннаго. Какъ это такъ выходитъ, что у человѣка умнаго, высказанное имъ гораздо глупѣе того, что въ немъ остается? Я это не разъ замѣчалъ за собой и въ моихъ словесныхъ отношеніяхъ съ людьми за весь этотъ послѣдній роковой годъ и много мучился этимъ.

Я хоть и начну съ девятнадцатаго сентября, а все-таки вставляю слова два о томъ, кто я, гдѣ былъ до того, а, стало быть, и что могло быть у меня въ головѣ хоть отчасти въ то утро девятнадцатаго сентября, чтобы было понятнѣе читателю, а можетъ быть и мнѣ самому.

III.

Я — кончившій курсъ гимназистъ, а теперь мнѣ уже двадцать первый годъ. Фамилія моя Долгорукій, а юридическій отецъ мой — Макарь Ивановъ Долгорукій, бывшій дворовый господъ Версильевъ. Такимъ образомъ, я — законнорожденный, хотя я, въ высшей степени, незаконный сынъ, и происхожденіе мое не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію. Дѣло произошло такимъ образомъ: двадцать два года назадъ, помѣщикъ Версильевъ (это-то и есть мой отецъ), двадцати пяти лѣтъ, посѣтилъ свое имѣніе въ Тульской губерніи. Я предполагаю, что въ это время онъ былъ еще чѣмъ-то весьма безличнымъ. Любопытно, что этотъ человѣкъ, столь поразившій меня съ самаго дѣтства, имѣвшій такое капитальное вліяніе на складъ всей души моей и даже, можетъ быть, еще надолго заразившій собою все

мое будущее, этотъ человѣкъ даже и теперь въ чрезвычайно многомъ остается для меня совершенно загадкой. Но собственно объ этомъ послѣ. Этого такъ не расскажешь. Этимъ человѣкомъ и безъ того будетъ наполнена вся тетрадь моя.

Онъ какъ разъ къ тому времени овдовѣлъ, т. е. къ двадцати пяти годамъ своей жизни. Женатъ же былъ на одной изъ высшаго свѣта, но не такъ богатой, Фанаріотовой, и имѣлъ отъ нея сына и дочь. Свѣдѣнія объ этой, столь рано его оставившей, супругѣ довольно у меня неполны и теряются въ моихъ матеріалахъ; да и много изъ частныхъ обстоятельствъ жизни Версилова отъ меня ускользнуло, до того онъ былъ всегда со мною гордъ, высокомеренъ, замкнутъ и небреженъ, несмотря, минутами, на поражающее какъ бы смиреніе его передо мною. Упоминаю однако же, для обозначенія впредь, что онъ прожилъ въ свою жизнь три состоянія, и весьма даже крупныя, всего тысячъ на четыреста слишкомъ и, пожалуй, болѣе. Теперь у него, разумѣется, ни копѣйки...

Пріѣхалъ онъ тогда въ деревню, «Богъ знаетъ зачѣмъ», по крайней мѣрѣ, самъ мнѣ такъ въ послѣдствіи выразился. Маленькія дѣти его были не при немъ, по обыкновенію, а у родственниковъ; такъ онъ всю жизнь поступалъ съ своими дѣтьми, съ законными и незаконными. Дворовыхъ въ этомъ имѣніи было значительно много; между ними былъ и садовникъ Макарь Ивановъ Долгорукій. Вставлю здѣсь, чтобы разъ навсегда отвязаться: рѣдко кто могъ столько вылизаться на свою фамилію, какъ я, въ продолженіи всей моей жизни. Это было, конечно, глупо, но это было. Каждый-то разъ, какъ я вступалъ куда-либо въ школу, или встрѣчался съ лицами, которымъ, по возрасту моему, былъ обязанъ отчетомъ, однимъ словомъ, каждый-то училищка, гувернеръ, инспекторъ, попъ — всѣ, кто угодно, спрося мою фамилію и услыхавъ, что я Долгорукій, непремѣнно находили для чего-то нужнымъ прибавить:

— Князь Долгорукій?

И каждый-то разъ я обязанъ былъ всѣмъ этимъ празднымъ людямъ объяснять:

— Нѣтъ, *просто* Долгорукій.

Это *просто* стало сводить меня, наконецъ, съ ума. Замѣчу при семъ, въ видѣ феномена, что я не помню ни одного исключенія: всѣ спрашивали. Инымъ, по видимому, это совершенно было ненужно; да и не знаю, къ какому бы чорту это могло быть хоть кому-нибудь

нужно? Но всё спрашивали, всё до одинаго. Услыхавъ, что я *просто* Долгорукій, спрашивавшій обыкновенно обмѣривалъ меня тупымъ и глупо-равнодушнымъ взглядомъ, свидѣтельствовавшимъ, что онъ самъ не знаетъ, зачѣмъ спросилъ, и отходилъ прочь. Товарищешкольники спрашивали всѣхъ оскорбительнѣе. Школьникъ какъ спрашиваетъ новичка? Затерявшійся и конфузѣющійся новичокъ, въ первый день поступленія въ школу (въ какую бы то ни было), есть общая жертва: ему приказываютъ, его дразнятъ, съ нимъ обращаются, какъ съ лакеемъ. Здоровый и жирный мальчишка вдругъ оставливается передъ своей жертвой въ упоръ и долгимъ, строгимъ и надменнымъ взглядомъ наблюдаетъ ее нѣсколько мгновений. Новичокъ стоитъ передъ нимъ молча, косится, если не трусь, и ждетъ, что-то будетъ.

— Какъ твоя фамилія?

— Долгорукій.

— Князь Долгорукій?

— Нѣтъ, просто Долгорукій.

— А, просто! Дуракъ.

И онъ правъ: ничего нѣтъ глупѣе, какъ называться Долгорукимъ, не будучи княземъ. Эту глупость я таскаю на себѣ безъ вины. Впослѣдствіи, когда я сталъ уже очень сердиться, то на вопросъ:

— Ты князь?

Всегда отвѣчалъ:

— Нѣтъ, я — сынъ двороваго человѣка, бывшаго крѣпостнаго.

Потомъ, когда ужъ я въ послѣдней степени озлился, то на вопросъ: вы князь? твердо разъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, просто Долгорукій, незаконный сынъ моего бывшаго барина, господина Версилова.

Я выдумалъ это уже въ шестомъ классѣ гимназіи, и хоть въ скорости несомнѣнно убѣдился, что глупъ, но все-таки не сейчасъ пересталъ глупить. Помню, что одинъ изъ учителей — впрочемъ, онъ одинъ и былъ, — нашель, что я «полонъ мстительной и гражданской идеи». Вообще же, приняли эту выходку съ какою-то обидною для меня задумчивостью. Наконецъ, одинъ изъ товарищей, очень ѣдкій малый и съ которымъ я всего только въ годъ разъ разговаривалъ, съ серьезнымъ видомъ, но нѣсколько смотря въ сторону, сказалъ мнѣ:

— Такія чувства вамъ, конечно, дѣлають честь, и, безъ сомнѣнія, вамъ есть чѣмъ гордиться; но я бы на вашемъ мѣстѣ все-таки не очень праздноваль, что незаконнорожденный... а вы точно именинникъ!

Съ тѣхъ поръ я пересталь *хвалиться*, что незаконнорожденный.

Повторю, очень трудно писать порусски: я воть исписаль цѣлыхъ три страницы о томъ, какъ я злился всю жизнь за фамилию, а между тѣмъ, читатель навѣрно ужъ вывелъ, что злюсь-то я именно за то, что я не князь, а просто Долгорукій. Объясняться еще разъ и оправдываться было бы для меня унижительно.

IV.

Итакъ, въ числѣ этой дворни, которой было множество и кромѣ Макара Иванова, была одна дѣвица и была уже лѣтъ восемнадцати, когда пятидесятилѣтній Макаръ Долгорукій вдругъ обнаружилъ намѣреніе на ней жениться. Браки дворовыхъ, какъ извѣстно, происходили во времена крѣпостнаго права съ дозволенія господъ, а иногда и прямо по распоряженію ихъ. При имѣніи находилась тогда тетушка; то есть, она мнѣ не тетушка, а сама помѣщица; но не знаю почему, всѣ всю жизнь ее звали тетушкой, не только моей, но и вообще, равно какъ и въ семействѣ Версилова, которому она чуть ли и въ самомъ дѣлѣ, не съ родни. Это — Татьяна Павловна Пруткова. Тогда у ней еще было въ той же губерніи и въ томъ же уѣздѣ тридцать пять своихъ душъ. Она не то, что управляла, но по сосѣдству надзирала надъ имѣніемъ Версилова (въ 500 душъ), и этотъ надзоръ, какъ я слышалъ, стоилъ надзора какого нибудь управляющаго изъ ученыхъ. Впрочемъ, до знаній ея мнѣ рѣшительно нѣтъ дѣла: я только хочу прибавить, откинувъ всякую мысль лести и заискиванія, что эта Татьяна Павловна — существо благородное и даже оригинальное.

Воть она-то не только не отклонила супружескія наклонности мрачнаго Макара Долгорукаго (говорили, что онъ былъ тогда мраченъ), но, напротивъ, для чего-то въ высшей степени ихъ поощрила. Софья Андреева (эта восемнадцатилѣтняя дворовая, то есть мать моя) была круглою сиротою уже нѣсколько лѣтъ; покойный же отецъ ея, чрезвычайно уважавшій Макара Долгорукаго и ему чѣмъ-

-то обязанный, тоже дворовый, шесть лѣтъ передъ тѣмъ, помирая, на одрѣ смерти, говорятъ даже за четверть часа до послѣдняго издыханія, такъ что за нужду можно бы было принять и за бредъ, еслибы онъ и безъ того не былъ неспособенъ, какъ крѣпостной, подозвавъ Макара Долгорукаго, при всей дворнѣ и при присутствовавшемъ священникѣ, завѣщалъ ему вслухъ и настоятельно, указывая на дочь: «Взрости и возьми за себя». Это всѣ слышали. Что же до Макара Иванова, то не знаю, въ какомъ смыслѣ онъ потомъ женился, то есть съ большимъ ли удовольствіемъ или только исполняя обязанность. Вѣроятнѣе, что имѣлъ видъ полного равнодушія. Это былъ человѣкъ, который и тогда уже умѣлъ «показать себя». Онъ не то, чтобы былъ начетчикъ или грамотѣй (хотя зналъ церковную службу всю и особенно житіе нѣкоторыхъ святыхъ, но болѣе по наслышкѣ), не то, чтобы былъ въ родѣ, такъ сказать, двороваго резонера, онъ просто былъ характера упрямаго, подчасъ даже рискованнаго; говорилъ съ амбиціей, судилъ безповоротно и, въ заключеніе, «жилъ почтительно», — по собственному удивительному его выраженію, — вотъ онъ каковъ былъ тогда. Конечно, уваженіе онъ приобрѣлъ всеобщее, но, говорятъ, былъ всѣмъ несносенъ. Другое дѣло, когда вышелъ изъ дворни: тутъ ужъ его не иначе поминали, какъ какого нибудь святого и много претерпѣвашаго. Объ этомъ я знаю навѣрно.

Что же до характера моей матери, то до восемнадцати лѣтъ Татьяна Павловна продержала ее при себѣ, несмотря на настоянія прикащика отдать въ Москву въ ученье, и дала ей нѣкоторое воспитаніе, то есть научила шить, кроить, ходить съ дѣвичьими манерами и даже слегка читать. Писать моя мать никогда не умѣла сносно. Въ глазахъ ея этотъ бракъ съ Макаромъ Ивановымъ былъ давно уже дѣломъ рѣшеннымъ, и все, что тогда съ нею произошло, она нашла превосходнымъ и самымъ лучшимъ; подъ вѣнецъ пошла съ самымъ спокойнымъ видомъ, какой только можно имѣть въ такихъ случаяхъ, такъ что сама ужъ Татьяна Павловна назвала ее тогда рыбой. Все это объ тогдашнемъ характерѣ матери я слышалъ отъ самой же Татьяны Павловны. Версиловъ пріѣхалъ въ деревню ровно полгода спустя послѣ этой свадьбы.

V.

Я хочу только сказать, что никогда не могъ узнать и удовлетворительно догадаться, съ чего именно началось у него съ моей матерью? Я вполне готовъ вѣрить, какъ увѣрялъ онъ меня прошлаго года самъ, съ краской въ лицѣ, несмотря на то, что рассказывалъ прѣ все это съ самымъ непринужденнымъ и «остроумнымъ» видомъ, что романа никакого не было вовсе, и что все вышло *такъ*. Вѣрю, что такъ, и русское слово это: *такъ* — прелестно; но все-таки мнѣ всегда хотѣлось узнать, съ чего именно у нихъ могло произойти? Самъ я ненавидѣлъ и ненавижу всѣ эти мерзости всю мою жизнь. Конечно, тутъ вовсе не одно только безстыжее любопытство съ моей стороны. Замѣчу, что мою мать я, вплоть до прошлаго года, почти не зналъ вовсе; съ дѣтства меня отдали въ люди, для комфорта Версилова; объ чемъ, впрочемъ, послѣ; а потому я никакъ не могу представить себѣ, какое у нея могло быть въ то время лицо. Если она вовсе не была такъ хороша собой, то чѣмъ могъ въ ней прельститься такой человѣкъ, какъ тогдашній Версиловъ? Вопросъ этотъ важенъ для меня тѣмъ, что въ немъ чрезвычайно любопытною стороною рисуется этотъ человѣкъ. Вотъ для чего я спрашиваю, а не изъ разврата. Онъ самъ, этотъ мрачный и закрытый человѣкъ, съ тѣмъ милымъ простодушіемъ, которое онъ, чортъ знаетъ, откуда бралъ (точно изъ кармана), когда видѣлъ, что это необходимо, — онъ самъ говорилъ мнѣ, что тогда онъ былъ весьма «глупымъ молодымъ щенкомъ» и не то, что сентиментальнымъ, а *такъ*, только что прочелъ «Антонъ Горемыку» и «Полиньку Саксъ», двѣ литературныя вещи, имѣвшія необъятное цивилизующее вліяніе на тогдашнее подростающее поколѣніе наше. Онъ прибавлялъ, что изъ-за Антона Горемыки, можетъ, и въ деревню тогда пріѣхаль, — и прибавлялъ чрезвычайно серьезно. Въ какой же формѣ могъ начать этотъ «глупый щенокъ» съ моей матерью? Я сейчасъ вообразилъ, что еслибъ у меня былъ хоть одинъ читатель, то навѣрно бы расхохотался надо мной, какъ надъ смѣшнѣйшимъ подросткомъ, который, сохранивъ свою глупую невинность, суется разсуждать и рѣшать, въ чемъ не смыслить. Да, дѣйствительно, я еще не смыслю, хотя сознаюсь въ этомъ вовсе не изъ гордости, потому что знаю, до какой степени глупа въ двадцатилѣтнемъ верзилѣ такая неопытность; только я скажу этому

господину, что онъ самъ не смыслить и докажу ему это. Правда, въ женщинахъ я ничего не знаю, да и знать не хочу, потому что всю жизнь буду плевать и далъ слово. Но я знаю, однако же, навѣрно, что иная женщина обольщаетъ красотой своей, или тамъ чѣмъ знаетъ, въ тотъ же мигъ; другую же надо полгода разжевывать прежде, чѣмъ понять, что въ ней есть; и чтобы разсмотрѣть такую и влюбить, то мало смотрѣть и мало быть просто готовымъ на что угодно, а надо быть, сверхъ того, чѣмъ-то еще одареннымъ. Въ этомъ я убѣжденъ, не смотря на то, что ничего не знаю, и еслибы было противное, то надо бы было разомъ низвести всѣхъ женщинъ на степень простыхъ домашнихъ животныхъ и въ такомъ только видѣ держать ихъ при себѣ; можетъ быть, этого очень многимъ хотѣлось бы.

Я знаю изъ нѣсколькихъ рукъ положительно, что мать моя красавицей не была, хотя тогдашняго портрета ея, который гдѣ-то есть, я не видалъ. Съ перваго взгляда въ нее влюбиться, стало быть, нельзя было. Для простаго «развлеченія», Версильовъ могъ выбрать другую, и такая тамъ была, да еще незамужняя, Анфиса Константиновна Сапожкова, сѣнная дѣвушка. А человѣку, который прѣхалъ съ Антономъ Горемыкой, разрушать, на основаніи помѣщичьяго права, святость брака хотя и своего двороваго, было бы очень зазорно передъ самимъ собою, потому что, повторяю, про этого Антона Горемыку, онъ еще не далѣе, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, то есть двадцать лѣтъ спустя, говорилъ чрезвычайно серьезно. Такъ вѣдь у Антона только лошадь увели, а тутъ жену! Произошло, значить, что-то особенное, отчего и проиграла m-lle Сапожкова (по-моему выиграла). Я приставакъ къ нему разъ-другой прошлаго года, когда можно было съ нимъ разговаривать (потому что не всегда можно было съ нимъ разговаривать), со всѣми этими вопросами, и замѣтилъ, что онъ, несмотря на всю свою свѣтскость и двадцатилѣтнее разстояніе, какъ-то чрезвычайно кривился. Но я настоялъ. По крайней мѣрѣ, съ тѣмъ видомъ свѣтской брезгливости, которую онъ неоднократно себѣ позволялъ со мною, онъ, я помню, однажды промямлилъ какъ-то странно: что мать моя была одна такая особа изъ *незащищенныхъ*, которую не то, что полюбишь, — напротивъ, вовсе нѣтъ, — какъ-то вдругъ почему-то *пожалѣешь*, за кротость что ли, впрочемъ за что? это всегда никому неизвѣстно, но пожалѣешь на долго; пожалѣешь и привяжешься... «Однимъ словомъ, мой милый,

иногда бываетъ такъ, что и не отвѣжешься». Вотъ что онъ сказалъ мнѣ; и если это дѣйствительно было такъ, то я принужденъ почестъ его вовсе не такимъ тогдашнимъ глупымъ щенкомъ, какимъ онъ самъ себя для того времени аттестуетъ. Это-то мнѣ и надо было.

Впрочемъ, онъ тогда же сталъ увѣрять, что мать моя полюбила его по «приниженности»: еще бы выдумалъ, что по крѣпостному праву! Совралъ для шику, совралъ противъ совѣсти, противъ чести и благородства!

Все это, конечно, я наговорилъ въ какую-то какъ бы похвалу моей матери, а между тѣмъ, уже заявилъ, что о ней, тогдашней, не зналъ вовсе. Мало того, я именно знаю всю непроходимость той среды и тѣхъ жалкихъ понятій, въ которыхъ она зачерствѣла съ дѣтства, и въ которыхъ осталась потомъ на всю жизнь. Тѣмъ не менѣе, бѣда совершилась. Кстати надо поправиться: улетѣвъ въ облака, я забылъ объ фактѣ, который, напротивъ, надо бы выставить прежде всего, а именно: началось у нихъ прямо съ *бѣды*. (Я надѣюсь, что читатель не до такой степени будетъ ломаться, чтобы не понять сразу, объ чемъ я хочу сказать). Однимъ словомъ, началось у нихъ именно по-помѣщичьи, не смотря на то, что была обойдена m-лe Сапожкова. Но тутъ уже я вступлюсь и заранѣе объявляю, что вовсе себя не противорѣчу. Ибо объ чемъ, о Господи, объ чемъ могъ говорить въ то время такой человѣкъ, какъ Версильовъ, съ такою особою, какъ моя мать, даже и въ случаѣ самой неотразимой любви? Я слышалъ отъ развратныхъ людей, что весьма часто мужчина съ женщиной, сходясь, начинаетъ совершенно молча, что, конечно, верхъ чудовищности и тошноты; тѣмъ не менѣе, Версильовъ, еслибъ и хотѣлъ, то не могъ бы, кажется, иначе начать съ моею матерью. Неужели же начать было объяснять ей Полиньку Саксъ? Да и сверхъ того, имъ было вовсе не до русской литературы; напротивъ, по его же словамъ (онъ какъ-то разъ расходился), они прятались по угламъ, поджидали другъ друга на лѣстницахъ, отскакивали какъ мячики, съ красными лицами, если кто проходилъ, и «тирань-помѣщикъ» трепеталъ послѣдней поломойки, несмотря на все свое крѣпостное право. Но хоть и по-помѣщичьи началось, а вышло такъ, да не такъ, и, въ сущности, все-таки ничего объяснить нельзя. Даже мраку больше. Ужъ одни размѣры, въ которые развилась ихъ любовь, составляютъ загадку, потому что первое условіе такихъ, какъ Версильовъ — это тотчасъ же бросить, если достигнута цѣль. Не

то, однако же, вышло. Согрешить съ милостивой дворовой вертушкой (а моя мать не была вертушкой) развратному «молодому щенку» (а они были всѣ развратны, всѣ до единого — и прогрессисты, и ретрограды) — не только возможно, но и неминуемо, особенно взявъ романическое его положеніе молодого вдовца и его бездѣлничанье. Но полюбить на всю жизнь — это слишкомъ. Не ручаюсь, что онъ любилъ ее, но что онъ таскалъ ее за собою всю жизнь — это вѣрно.

Вопросовъ я наставилъ много, но есть одинъ самый важный, который, замѣчу, я не осмѣлился прямо задать моей матери, несмотря на то, что такъ близко сошелся съ нею прошлаго года и, сверхъ того, какъ грубый и неблагодарный щенокъ, считающій, что *передъ нимъ виноваты*, не церемонился съ нею вовсе. Вопросъ слѣдующій: какъ она-то могла, она сама, уже бывшая полгода въ бракѣ, да еще придавленная всѣми понятіями о законности брака, придавленная, какъ безсильная муха, она, уважавшая своего Макара Ивановича не меньше, чѣмъ какого-то бога, какъ она-то могла, въ какія-нибудь двѣ недѣли, дойти до такого грѣха? Вѣдь не развратная же женщина была моя мать? Напротивъ, скажу теперь впередъ, что быть болѣе чистой душой, и такъ потомъ во всю жизнь, даже трудно себѣ и представить. Объяснить развѣ можно тѣмъ, что сдѣлала она не помня себя, т. е. не въ томъ смыслѣ, какъ увѣряютъ теперь адвокаты про своихъ убійцъ и воровъ, а подъ тѣмъ сильнымъ впечатлѣніемъ, которое, при извѣстномъ простодушіи жертвы, овладѣваетъ иногда ея фатально и трагически. Почему знать, можетъ быть, она полюбила до смерти... фасонъ его платья, парижскій проборъ волосъ, его французскій выговоръ, именно французскій, въ которомъ она не понимала ни звука, тотъ романсъ, который онъ спѣлъ за фортепьяно, полюбила нѣчто никогда невиданное и неслыханное (а онъ былъ очень красивъ собою), и ужъ заодно полюбила, прямо до изнеможенія, всего его, съ фасонами и романсами. Я слышалъ, что съ дворовыми дѣвушками это иногда случалось во времена крѣпостнаго права, да еще съ самыми честными. Я это понимаю, и подлецъ тотъ, который объяснить это лишь однимъ только крѣпостнымъ правомъ и «приниженностью!» И такъ, могъ же, стало быть, этотъ молодой человѣкъ имѣть въ себѣ столько самой прямой и обольстительной силы, чтобы привлечь такое чистое до грѣхъ поръ существо и главное такое совершенно разнородное съ собою существо, совер-